

разводят обыкновенно огонь, но лишь только успеют истребить свежее испеченный картофель, они накрываются тулупами и предаются безмятежному сну до утра. Когда нападает волк и поднимается собаками тревога, *ночлежники* просыпаются; но покамест они чешут спростонья затылки и спорят о том, кому подняться, волк уже успеет сделать свое дело. Если он покусал или удавил жеребенка, греха нет, и *ночлежники* снова спокойно засыпают [6, с. 882].

Из энциклопедического труда «Опыт описания Могилевской губернии ...» авторы черпают уникальный материал, который украшает и информативно расширяет описание диалектных лексем, придает научную и культурную ценность СМСПГ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – 6-е изд. – Москва : ГИС, 1955. – Т. 1: А–З. – 609 с.
2. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – 6-е изд. – Москва: ГИС, 1955. – Т. 2: И–О. – 779 с.
3. **Молчанова, Л. А.** Материальная культура белорусов / Л. А. Молчанова. – Минск : Наука и техника, 1968. – 282 с.
4. **Молчанова, Л. А.** Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVIII вв. / Л. А. Молчанова. – Минск : Наука и техника, 1981. – 112 с.
5. Опыт описания Могилевской губернии ... / Под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев, 1882. – Кн. 1. – 782 с.
6. Опыт описания Могилевской губернии ... / Под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев, 1883. – Кн. 2. – 1000 с.

УДК 94(470)«18»-051:37

М. И. Матюшевская

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПЕДАГОГА В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

Аннотация. Проанализированы педагогические воззрения профессора Московского университета В. О. Ключевского. Показан вклад ученого в осмысление теоретических вопросов, связанных с историей семейной и социальной педагогики в России X–XIX вв., развитием университетского преподавания истории.

Ключевые слова: семейная педагогика, социальная педагогика, история педагогики, школа, церковь, обучение, воспитание, педагогическая цель, учитель, преподаватель, университет, история России, историография.

1 февраля 1893 г. В. О. Ключевский прочитал публичную лекцию в пользу Московского комитета грамотности, которая впоследствии была опубликована под названием «Два воспитания» и неоднократно переиздавалась в различных научных сборниках. Основная мысль данной лекции: цель труда педагога и вос-

питателя слагается главным образом из целеполагания двух социальных институтов – семьи и школы. Их педагогические задачи едины и чаще всего понимаются обществом как задачи обучения и воспитания.

В. О. Ключевский не соглашался с мыслью о том, что семье принадлежит воспитание, школе – обучение. В этой связи он обратился к сравнительному анализу педагогического опыта Древней Руси и российской школы XVIII в. Выводы ученого были таковы.

В Древней Руси главное внимание педагогики было обращено на изучение житейских правил – сведений о том, как подобает жить христианину. Наука о «христианском жительстве» состояла из трех дисциплин – душевного, мирского и домового «строений». Душевное строение представляло собой учение о душевном долге – деле спасения души. Мирское строение давало знания о гражданском общежитии. Домовое строение учило хозяйственному домоводству.

Школой душевного спасения для мирян являлась приходская церковь. Ее священник был духовным отцом своих прихожан. Преподавательскими средствами священника были богослужение, исповедь, поучение, пример собственной жизни. Преподаваемая им наука состояла из трех основных частей: богословие – «како веровати», политика – «како царя чтити», нравоучение – «како чтити духовный чин и учения его слушати, аки от Божьих уст». Учениками приходских священников были его духовные дети – домовладыки, отцы семейств.

Грамотный домохозяин обучал свою жену, детей и домочадцев Закону Божьему и благонравию. Когда дети подрастали, родители учили их «промыслу и рукоделию»: отец – сыновей, мать – дочерей. Выбор и порядок этой учебы соотносился с возрастом и пониманием детей, а также с общественным положением семьи. Но отец мог обучить сына только тому, что умел сам. Поэтому в ином случае он отдавал сына другому мастеру, и сын оказывался в чужой семье на положении холопа, дворового человека.

Основным приемом древнерусской методики домашнего воспитания было битье – детей «страхом спасати, уча и наказуя». Однако гораздо большее значение имел другой педагогический прием – живой пример, наглядный образец. Ребенок воспитывался нравственной атмосферой семьи [1, с. 13].

В. О. Ключевский заключал, что при такой организации обучения и воспитания возникала опасность погасить дух обрядом, превратить заповеди в привычки. Этой опасности противостоял инспекторский смотр в лице священника, который ежегодно проверял и исправлял результаты домашнего воспитания.

Данный план семейного образования получил развитие в древнерусских поучениях и был сведен на уровень общей программы в «Домострое» священника Сильвестра. Здесь также не нашлось места публичной школе и всеобщей книжной учености. «Домострой» считал необходимым получение грамотности только для лиц духовного и приказного чина.

События XVIII в. совершили крутой поворот в судьбе домашнего образования. Общество сделало прыжок от «Домостроя» попа Сильвестра к «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера. «... Возникли публичные школы с иноземными учителями, напечатаны грамматики, арифметики, геометрии; изданы законы об обязательном обучении духовенства и дворянства ...» [1, с. 15].

Русская мысль была ошеломлена подобным поворотом. В эпоху Петра I «... многие быстро и отлично успевали в науках, но еще быстрее погружались в прежнее невежество, потому что не могли или не умели ни продолжить, ни применить приобретенных знаний...» [1, с. 19]. Это происходило от того, что изучение наук еще не сопровождалось необходимым нравственным воспитанием. «... В университете при Академии наук лекций не читали, но студентов секли ...» [1, с. 18].

Задачи нового воспитания были поставлены в царствование Елизаветы Петровны. Они имели тесную связь с развитием европейской системы образования, основанной на идеях Локка. В этой системе, помимо специального обучения, много внимания уделялось общему воспитанию. Оно должно было подготовить молодых людей к гражданскому общежитию, развить их нравственные чувства. Таким образом, дело воспитания брало в свои руки государство.

По оценке В. О. Ключевского, из всех педагогических опытов наиболее продуманным был устав сухопутного кадетского корпуса. В это учебное заведение принимали детей с 5–6-летнего возраста. Их обучение длилось 15 лет, на протяжении которых они полностью изымались из семьи.

Устав кадетского корпуса строго различал воспитание и обучение. Предпочтение отдавалось воспитанию. Историк отмечал: «... Способности устав ценит ниже нравов и прямо требует, чтобы «прилежание к наукам было умеренное» ... Поэтому устав в учебной программе второго возраста рядом с арифметикой и геометрией ставит особую науку – *уचितство и долг благопристойности*, а во главе программы четвертого возраста – *упражнение истинного христианина и честного человека* ...» [1, с. 21–22].

Исходя из целей обучения, подбиралась методика образования. Ее основу составлял личный пример воспитателей. С их стороны требовались любовь и ласка по отношению к питомцам, а воспитанники должны были демонстрировать старшим свое доверие и почтение. Воспитатели действовали внушением, а не приказами. Они склоняли и приучали, а не запугивали и принуждали. Руководство порицало строгий и повелительный взгляд и голос, надутый вид воспитателя. Запрещались телесные наказания и наличие в кадетском корпусе крепостных слуг. При таком воспитании главным карательным орудием должен был быть собственный стыд виновного.

По оценке В. О. Ключевского, это была «теплица воспитания», «педагогический зимний сад среди северного русского леса» [1, с. 26]. Ученый заключал: педагогика «Домостроя» воспитывала автоматическую совесть; педагоги-

ка XVIII в. сооружала автоматическое сердце. В обеих системах воспитания навыки получались одни и те же: «... привычка к труду, смирению, кротости, повиновению, сострадательности, опрятности и чистоте и даже к невысокому взгляду на книжную мудрость, научное знание ...» [1, с. 25].

В. О. Ключевский не соглашался с таким пониманием целей образования. «... Педагогика – не нянька, а утренний будильник: слово дано ей не для того, чтобы, укачивая чужого ребенка, усыплять свою мысль, а для того, чтобы будить чужую ... Семья и школа – не сожительницы и не соперницы; это – соседки и сотрудницы ... Под родным кровом дитя...привыкает понимать и любить *своих*, в школе приучается жить с *чужими* и, применяя к ним привычку понимать и любить, выработанную на родных объектах, учится превращать чужих в своих *близких* ...» [1, с. 27]. Он полагал, что научное изучение и преподавание истории обязательно предполагает наличие двух компонентов – моралистичности и прагматичности.

По мысли В. О. Ключевского, такое целеполагание было присуще С. М. Соловьеву: «... Моралистика у Соловьева была та же прагматика, только обращенная к осознанию своею нравственной стороной, та же научная связь причин и следствий, только приложенная к явлениям добра и зла, помышления и воздействия. Соловьев был историк-моралист в том простом смысле, что не исключал из сферы своих наблюдений мотивов и явлений нравственной жизни ...» [2, с. 327].

Анализируя манеру преподавания С. М. Соловьева, историк писал: «... В преподавательстве много индивидуального, личного, что трудно передать и еще труднее воспроизвести...Учитель – что проповедник: можно слово в слово записать проповедь, даже урок; читатель перечтет записанное, но проповеди и урока не услышит...В преподавательстве есть своя техника, и даже очень сложная...» [2, с. 320].

С. М. Соловьева В. О. Ключевский относил к числу тех преподавателей, которые были готовы проповедовать в пустыне. Своим научным и педагогическим творчеством они надеялись улучшить окружающую их действительность. По оценке В. О. Ключевского, такую задачу ставили перед собой также К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, Ф. И. Буслаев, Т. Н. Грановский. Все они стремились пробудить у студентов деятельную любовь к родному Отечеству, рассматривали университетскую аудиторию как школу гражданского воспитания. К такой цели педагогического процесса стремился и сам В. О. Ключевский.

Историк писал: «...Неудобно профессорствовать, читать лекцию в *классе*; неудобно и сказывать урок в *аудитории*: в первом случае гимназист преждевременно забегают в настроение студента, во втором студент огорчается своим невольным возвращением в положение гимназиста. Учитель истории рассказывает ученикам, что *было*; профессор рассуждает со студентами, что это *было значило* ...» [2, с. 328].

Эти слова В. О. Ключевского актуальны для нас и сегодня. Они в очередной раз заставляют задуматься о смысле и предназначении педагогического

труда, побуждают к размышлению о вкладе, который внесли в развитие исторической науки и образования предшественники, и о нашей благодарности им [3].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ключевский, В. О.** Сочинения: в 9 т. Т. IX. Материалы разных лет / В. О. Ключевский; под ред. В. Л. Янина. – Москва: Мысль, 1990. – 525 с.
2. **Ключевский, В. О.** Сочинения: в 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение) / В. О. Ключевский; под ред. В. Л. Янина. – Москва : Мысль, 1989. – 508 с.
3. **Матюшевская, М. И.** Творческое наследие В. О. Ключевского в оценке современной науки: итоги историографического анализа вопроса / М. И. Матюшевская // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2018 г.: материалы науч.-метод. конф., Могилев, 25 янв. – 7 февр. 2019 г. – Могилев, 2019. – С. 28–29.

УДК 94

Н. Н. Рытова

УСТАВЫ ЦЕХОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ XVI–XVIII ВВ. КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СЕМЬИ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ РЕМЕСЛЕННИКОВ

Аннотация. Цеховые уставы XVI–XVIII вв. являются ценным источником не только по истории деятельности цеховых организаций, но и проливают свет на отдельные аспекты семейной жизни ремесленников. Они регламентировали матримониальное поведение своих членов, следили за их моральным обликом, оказывали поддержку в сложных жизненных обстоятельствах.

Ключевые слова: цеховые уставы, источники XVI–XVIII вв., матримониальное поведение ремесленников, цех и ремесленники.

В XVI–XVII вв. развиваются цеховые организации. Они объединяли ремесленников одной или нескольких родственных профессий, определяли порядок производства и реализации продукции. Цеха осуществляли свою деятельность на основе официально утвержденных ценовых уставов [2, с. 224–227; 234–236]. Данные документы являются одним из ценнейших источников, проливающих свет на матримониальное поведение их членов. Так, цеховые уставы XVII в. позволяют утверждать, что члены, заключая брачный союз, обязаны были подтвердить свое происхождение, т. е. быть рождены в законном браке: *«... если товарищ хотел стать мастером, а о его родственниках ничего не было известно, то он должен предоставить документ о своем рождении и о прохождении обучения, тоже должен был сделать и товарищ <...>, желающий вступить в брак с дочерью мастера ...»* [2, с. 430].